

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ РОССИИ:

ИСТОКИ, ЭВОЛЮЦИЯ,
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

МОСКВА, 28–29 ОКТЯБРЯ 2010 г.

МОСКВА
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
(РОСПЭН)
2011

УДК 94(47)(082.1)

ББК 66.1(0)

О-28

Организаторы международной научной конференции

*«Общественная мысль России:
истоки, эволюция, основные направления»*

Отделение историко-филологических наук РАН

Институт общественной мысли (ИОМ)

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН

Институт современного развития (ИНСОП)

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)

Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

Германский исторический институт (Москва)

Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук в Москве

При финансовой поддержке

РОССИЙСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ
НАУЧНЫЙ ФОНД

Российского гуманитарного
научного фонда (РГНФ)

Фонда «Президентский центр
Б. Н. Ельцина»

О-28 **Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления.** Материалы международной научной конференции. Москва, 28–29 октября 2010 г. / [отв. ред. В. В. Шелохаев]. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — 687 с.

ISBN 978-5-8243-1545-5

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(0)

ISBN 978-5-8243-1545-5

© Институт общественной
мысли, 2011
© Российская политическая
энциклопедия, 2011

Организационный комитет международной научной конференции
«Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления»

А. А. Дроздов,

исполнительный директор Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

В. В. Журавлев,

доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии РФ

А. Б. Каменский,

доктор исторических наук, профессор, декан Факультета истории
Государственного университета — Высшая школа экономики

Э. Каррер д'Анкос,

Постоянный секретарь Французской академии

Н. Катцер,

директор Германского исторического института (Москва)

А. Н. Медушевский,

доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала
«Российская история»

Л. А. Опёнкин,

доктор исторических наук, профессор

Ю. С. Пивоваров,

академик РАН, директор Института научной информации
по общественным наукам (ИНИОН) РАН

Ж. Радвани,

директор Франко-российского центра гуманитарных
и общественных наук в Москве

А. К. Сорокин,

директор Российского государственного архива социально-политической истории
(РГАСПИ), вице-президент Российской ассоциации политической науки (РАПН),
лауреат Государственной премии РФ

В. А. Тишков,

академик РАН, заместитель академика-секретаря отделения историко-
филологических наук РАН, директор Института этнологии и антропологии РАН

В. В. Шелохаев,

доктор исторических наук, профессор, директор Института общественной мысли,
лауреат Государственной премии РФ

Т. Эммонс,

иностраный доктор Российской академии наук, почетный профессор
МГУ им. М. В. Ломоносова

И. Ю. Юргенс,

председатель правления Института современного развития (ИНСОП)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

<i>Шелохаев В. В.</i> (Россия).....	10
<i>Катцер Н.</i> (Германия).....	17
<i>Радвани Ж.</i> (Франция).....	19

Раздел I. Теоретико-методологические проблемы развития отечественной общественной мысли

<i>Шелохаев В. В.</i> (Россия). Общественная мысль России как историографическая и теоретико-методологическая проблема.....	22
<i>Юргенс И. Ю.</i> (Россия). Осмысление модернизации общественной мыслью: сохранение традиций и императив перемен.....	50
<i>Опёнкин Л. А.</i> (Россия). Общественное устройство новой России в контексте развития отечественной общественной мысли.....	54
<i>Журавлев В. В.</i> (Россия). Общественная мысль России в интеллектуальном пространстве энциклопедий.....	80
<i>Секиринский С. С.</i> (Россия). «Направленчество» или «внепартийность»: два подхода к изучению русской общественной мысли.....	99

Раздел II. Зарождение и основные этапы эволюции отечественной общественной мысли

<i>Данилевский И. Н.</i> (Россия). Зарождение общественной мысли в Древней Руси: проблемы и перспективы изучения... 112	112
<i>Каменский А. Б.</i> (Россия). К вопросу о проблемах и парадоксах изучения истории русской общественной мысли.....	129
<i>Артемова Т. В.</i> (Россия). Русская философская мысль XVIII в.	140
<i>Грандей Ж.</i> (Франция). Республика декабристов, матрица современного государства. Очерк по истории общественной мысли в России.....	161
<i>Парсамов В. С.</i> (Россия). Пути развития русской общественной мысли первой четверти XIX в.	180
<i>Цимбаев Н. И.</i> (Россия). Славянофильство и западничество. Поиски пути общественного развития.....	198

Раздел III. Общественная мысль России второй половины XIX — первой четверти XX в.

<i>Арсланов Р. А.</i> (Россия). Национальная либеральная мысль России в 50–70-х гг. XIX в.	218
<i>Манин Ю. В.</i> (Россия). Гоголь в современном мире.....	240
<i>Тарасов Б. Н.</i> (Россия). Историософия Ф. И. Тютчева: современное прочтение.....	250
<i>Велижев М. Б.</i> (Россия). Русская политическая мысль и публичная сфера в эпоху Николая I: первое «Философическое письмо» Чаадаева.....	260
<i>Кантор В. К.</i> (Россия). К. Леонтьев: христианство без надежды, или Трагическое чувство Бытия.....	277
<i>Гамбург Г. М.</i> (США). Л. Н. Толстой, «Вехи» и П. Б. Струве в 1909 г.	319
<i>Нарежный А. И.</i> (Россия). Проблемы народного представительства в общественной мысли России второй половины XIX в.	331
<i>Зверев В. В.</i> (Россия). Реформаторское народничество и проблема модернизации России.....	356
<i>Бон Т. М.</i> (Германия). Историческая наука под знаком позитивизма (Московская школа в конце XIX — начале XX в.).....	373

Раздел IV. Общественная мысль России второй половины XIX — начала XX в.

<i>Рудницкая Е. Л.</i> (Россия). На переломе эпох. Политическая составляющая философского идеализма: С. Л. Франк.....	386
<i>Галай С. М.</i> (Израиль). Weltanschauung руководства партии кадетов.....	394
<i>Ненароков А. П.</i> (Россия). Об историческом наследии российской социал-демократии.....	399
<i>Ретников А. В.</i> (Россия). Консервативная модель переустройства России.....	405
<i>Кара-Мурза А. А.</i> (Россия). Российский либерализм: проблемы генезиса, эволюции и типологизации.....	420
<i>Соловьев К. А.</i> (Россия). Представительная власть в общественной мысли России начала XX столетия. Утопия российского конституционализма.....	430

Ты основал
иллюстрациями:

исей. М., 1998.

Древней Руси:

ода и Библия в
2. Т. 8. С. 32.

ода. С. 34.

об. // Библия

кого и Нового
ами. М., 1993.

е: С иллюстра-
еподс: «Но по-

зующего» вос-
которое ком-
ощей фразе.

окая птица на
а меня кланут
неба Твоего и
7-11). Из «па-
шил.

в: пребывая в
стью» (дерзо-
бно хананей-

лоху раннего

А. Б. Каменский

К вопросу о проблемах и парадоксах изучения истории русской общественной мысли

Выход в свет 119 томов «Библиотеки отечественной общественной мысли», охватывающих период с древности и до начала XX в., — это, несомненно, одно из важнейших событий в научной жизни России последнего времени. Уже один взгляд на это издание порождает патриотические чувства, внушая уважение к многовековой традиции. Совершенно очевидно огромное научное значение этого издания, включающего сотни полузабытых и хорошо известных, но заново откомментированных текстов. С другой стороны, столь же очевидно и естественно, что сам замысел данного издания и его исполнение отражают устоявшиеся на сегодняшний день представления об истории отечественной общественной мысли и, прежде всего, убежденность в том, что она действительно существовала на протяжении всего того периода времени, который принято обозначать как российскую историю, а включенные в него авторы являются ее представителями. Между тем в изучении истории русской общественной мысли существует немало нерешенных или недостаточно разработанных проблем, в том числе методологического характера, и данное издание обладает в этом смысле большим эвристическим потенциалом, позволяющим рассматривать его появление как важный этап в изучении соответствующей проблематики. Оно дает возможность критически оценить сложившиеся представления и сформулировать новые исследовательские проблемы.

Прежде всего представляется необходимым более внимательно посмотреть на само словосочетание «общественная мысль» и на содержание, которое в него вкладывается. В сущности, это своего рода устойчивое выражение, давно ставшее привычным и звучащее вполне традиционно и легитимно. Оно не режет ни слух, ни глаз, не вызывает особых вопросов и возражений, а исследование с подобными словами в названии может быть написано в наши дни, так же как и тридцать, и сто лет назад. Однако в литературе нет консенсуса отно-

сительно того, имеются ли при этом в виду размышления *об обществе*, или это мысль, выражающая идеи, *характерные для общества*. Если принять во внимание, что *правовая мысль* — это, как совершенно очевидно, мысль о проблемах права, законности, *политическая мысль* — это, по-видимому, размышления о политическом, *философская мысль* подразумевает размышления о круге специфически философских вопросов, то по аналогии общественная мысль — это мысль об обществе¹. Но что в таком случае называется *социальной мыслью*? Или, может быть, следует признать, что общественная и социальная мысль — это синонимы?

Если же принять второй вариант, что русская общественная мысль — это мысль русского общества, то неизбежно возникает следующий вопрос: что мы в данном случае имеем в виду под *обществом*, существовало ли оно на протяжении всей русской истории и в какой мере правомерно использование этого понятия применительно к разным историческим эпохам? Наконец, как соотносятся между собой все названные и иные виды мысли? Или, может быть, существует третий вариант, воплощенный в «Библиотеке» и предполагающий, что понятие *общественная мысль* — это обобщающее понятие, объединяющее их все?

Речь, таким образом, идет о терминологической точности. При этом нет сомнения, что специалисты по истории русской общественной мысли могут указать на целый ряд работ, в которых вполне профессионально и достаточно убедительно разбираются эти вопросы. Ясное и научно обоснованное определение феномена общественной мысли дано и в работе В. В. Шелохаева, публикуемой в настоящем сборнике. Можно надеяться, что эта публикация стимулирует научную дискуссию, результатом которой могло бы стать, если не единство мнений, то по крайней мере достижение определенных договоренностей между исследователями о значении используемых терминов. Однако существует опасность, что мы имеем дело с одним из тех далеко не редких случаев, когда высказываемые в специальной литературе здравые идеи не получают должного распространения в научном сообществе и не закрепляются в академической практике, в чем нетрудно убедиться, познакомившись с вводными статьями к отдельным томам «Библиотеки». Иногда это результат очевидного разрыва между теоретическими и эмпирическими исследованиями, но бывает, что положения, высказываемые теоретиками и методолога-

ми, не приживаются просто потому, что плохо применимы к конкретному материалу.

Одной из центральных проблем истории русской общественной мысли является, конечно, проблема ее самобытности, оригинальности. Здесь также широко распространены полярные точки зрения. С одной стороны, «ура-патриоты», готовые с пеной у рта доказывать безусловную самобытность русской общественной мысли на всех этапах ее существования. С другой — скептики начиная с П. Я. Чаадаева и М. О. Гершензона. Именно об этом последний писал в «Вехах»: «Не поразительно ли, что история нашей общественной мысли делится не на этапы внутреннего развития, а на периоды господства той или другой иноземной доктрины? Шеллингизм, гегелианство, сен-симонизм, фурьеризм, позитивизм, марксизм, ницшеанство, неокантианство, Мах, Авенариус, анархизм — что ни этап, то иностранное имя. Наше сознание в массе не вырабатывало для себя своих жизненных ценностей и не переоценивало их постепенно, как это было на Западе; поэтому у нас и в помине не было своей, национальной эволюции мысли; в праздной, хотя и святой жажде истины мы просто хватали то, что каждый раз для себя создавала западная мысль, и носились с этим даром до нового, лучшего подарка»².

Конечно, большинство серьезных исследователей прекрасно знают, что проблема значительно сложнее. И. Н. Данилевский в статье, помещенной в первом томе «Библиотеки», куда включены древнейшие памятники домонгольского периода, замечает: «Памятники, которые мы будем рассматривать, — произведения далеко не всегда оригинальные. Сплошь и рядом это переводы “чужих” текстов, *понятых по-своему* (выделено мной. — А. К.)»³. Но эти очень точные слова в полной мере можно отнести ко множеству текстов и гораздо более позднего времени. Даже тогда, когда текст русского автора имеет явное происхождение от каких-то иноземных текстов, это всегда прочтение этих чужих текстов *по-своему*, их *оригинальная* интерпретация, переосмысление.

В последние два десятилетия появилось множество новых исследований, посвященных культурному взаимодействию России и других народов, рецепции в России экономических, культурных, научных, идейных и иных новаций. Однако здесь есть несколько проблем. Первая из них имеет непосредственное отношение к наиболее близкому мне в научном отношении XVIII столетию.

На рубеже XVII–XVIII вв. в европейской культуре появляется комплекс основополагающих идей, получивших широчайшее распространение и фактически общемировое значение. Это в том числе идеи прогресса, цивилизации и целый ряд других, которые легли в основу европейского Просвещения и сформировали ту культурно-историческую эпоху, свидетелями завершения которой, по мнению многих исследователей, мы являемся. С этими идеями был знаком любой образованный человек не только во Франции, Англии или Германии, но и в России, Дании и Португалии, и эти идеи, в свою очередь, порождали новые идеи, новые социальные теории, концепты и т. д., причем процесс зарождения новых идей шел одновременно в разных концах Европы. Возникла не имевшая границ плотная интеллектуальная атмосфера, охватывавшая, впрочем, относительно небольшое число интеллектуалов разных стран, которую сами они называли *republic of letters*. Об этом очень точно пишет в предисловии к подготовленным ею томам Т. В. Артемьева: «Научная коммуникация отныне не замыкается рамками локальных сообществ. Интенсивный обмен идеями сначала создает возможность для понимания, а потом формирует однородную научную среду. ...Можно увидеть в этом первую волну интеллектуальной глобализации, сделавшую возможным, если не взаимное понимание... то по крайней мере предпосылки для диалога, если не общую систему понятий, то по крайней мере общую систему идей». И далее: «Российское образованное общество в XVIII в. было частью международного сообщества, а потому говорило на том же языке, что и европейские интеллектуалы, обсуждало те же проблемы...»⁴.

Необходимо при этом иметь в виду, что Просвещение, которое традиционно связывают преимущественно с Францией XVIII в., в действительности было явлением общеевропейским и со своими особенностями имело место в Англии, Испании, Германии, Италии и т. д. Это означает, что имеющие единые корни сходные идеи могли рождаться в разных странах и независимо друг от друга, и подчас установление исследователем сходства и даже тождества тех или иных идей российских авторов с идеями их западных предшественников далеко не всегда означает прямое заимствование.

Во-вторых, даже тогда, когда установлено действительное тождество, это, как мне представляется, должно быть лишь этапом работы, за которым должно последовать выяснение того, почему были заим-

ствованы именно эти, а не другие идеи, как и почему они были интерпретированы и как трансформировались при переносе на русскую почву, а такая трансформация практически неизбежна. Как отмечал В. М. Живов, «при пересадке на чужую почву содержание внешних форм теряется, и, освободившись от своего привычного содержания, заимствованные формы получают неизвестную им прежде творческую способность: из форм выражения они становятся генераторами содержания. ...Европеизация русской культуры оказывается не столько перенесением, сколько переосмыслением европейских моделей, причем в процессе этого переосмысления меняют свое содержание основные категории и структуры европейской мысли»⁵.

Замечу также, что применительно к XVIII и первой половине XIX в. существует огромный пласт текстов, который еще ждет своего исследователя. Это, прежде всего, многочисленные переводы на русский язык разного рода сочинений, которые часто переводились в вольной интерпретации переводчика с вкраплением собственных комментариев и, напротив, удалением из оригинального текста отрывков, не отвечавших его представлениям. В результате фактически получался новый авторский текст. Причем, переводчиками зачастую выступали те же люди, что традиционно рассматриваются как представители общественной мысли.

Иначе говоря, сам вопрос о самобытности русской общественной мысли кажется мне, с одной стороны, недоисследованным, а с другой — несколько надуманным. Его, как представляется, имеет смысл переформулировать и перенести в иную плоскость, сосредоточив внимание не на наличии или отсутствии самобытности, а на ее характере, на формах ее проявления, выявление и изучение которых требуют, видимо, выработки соответствующих методик. Собственно об этом писал и Гершензон, который, продолжая приведенные выше слова писал: «И, напротив, та истина, которую добывали — конечно, в личной работе сознания — наши лучшие умы — Чаадаев, славянофилы, Достоевский — мы не дорожили ею, не умея распознать в ней элемент национальной самобытности... (курсив мой. — А. К.)»⁶.

Другая важная проблема. Если вновь обратиться к тем же словам Гершензона, то становится ясно, что для него история русской общественной мысли начиналась в лучшем случае на рубеже XIX–XX вв. Хронологические рамки этого понятия, как уже говорилось, определяются в первую очередь его содержанием, но, так или иначе, лишь

применительно к первой половине XIX в. принято различать в отечественной общественной мысли определенные *направления* и *течения*, в то время как применительно к более раннему времени по большей части выделяют лишь обсуждавшиеся и поднимавшиеся русскими авторами проблемы. Само наличие в общественной мысли направлений как бы по умолчанию является свидетельством ее зрелости. Однако по меньшей мере истоки этих направлений можно без труда обнаружить в предшествующем XVIII столетии. Вполне очевидно, что различия в общественно-политических воззрениях таких наиболее известных представителей русской общественной мысли XVIII в., как Феофан Прокопович, Ломоносов, Щербатов, Радищев, Новиков, носили отнюдь не, используя известное выражение, стилистический характер, хотя европейские источники формирования их воззрений были во многом одни и те же. Сам этот факт вновь демонстрирует, с одной стороны, единство русской и европейской мысли, а с другой — неизбежность трансформации интеллектуальных заимствований, причем во множестве вариаций.

Как и для русской истории в целом, так и для истории идей в России рубежным событием стали, конечно же, преобразования Петра Великого, породившие и основные проблемы русской общественной мысли и тот социальный слой, который был в состоянии их обсуждать. Именно в результате этих преобразований и русская культура в целом, и в том числе русская общественная мысль приобретают формы, в которых они существуют и поныне и которые делают русскую культуру и русскую общественную мысль органичной частью европейской цивилизации. При этом русские мыслители включились в общеевропейский процесс обсуждения общих для всего интеллектуального сообщества проблем, но одновременно сформулировали и такие собственные специфические проблемы, вызванные к жизни петровскими преобразованиями, как «Пути России», ее цивилизационная принадлежность, особость русской истории, «Россия и Запад», остающиеся актуальными и поныне. Уже в самом этом факте, как представляется, заключены и своего рода парадокс, и своеобразие отечественной общественной мысли.

Во-первых, парадокс в том, что приобщение к общеевропейским практикам осмысления социальных и политических проблем породило рефлексию по поводу самого этого приобщения. Во-вторых, тот факт, что проблемы, сформулированные триста лет назад, и се-

годня остаются актуальными, означает, что начавшийся тогда этап в истории русской общественной мысли продолжается до сих пор. С одной стороны, в нашем восприятии XVIII в. — это давно миновавшая эпоха, то, что в той же мере, что и времена египетских фараонов, крестовых походов и открытия Америки, без всякого сомнения, относится к отдаленному *прошлому*, а не к современности, являясь, соответственно, объектом исторического исследования. С другой стороны, если сегодня столь значимыми для нас остаются те же проблемы, не означает ли это, что мы, фигурально выражаясь, продолжаем жить в XVIII в.?⁷

Еще одна проблема, на которую стоит обратить внимание, если принять широкое толкование понятия *общественная мысль*. Проблема общая для всех периодов ее истории. Речь идет о соотношении взглядов интеллектуальной элиты (интеллектуального меньшинства, по выражению В. В. Шелохаева) и народных низов, или просто народа, а попросту говоря, основной массы населения страны. Первые, оформленные в виде письменных текстов, мы и называем обычно *общественной мыслью*. Вторые описываем обычно словом *представления*. Первые носят преимущественно индивидуальный характер, вторые — коллективный. По умолчанию подразумевается, что в первом случае мы имеем дело с *продуманной системой взглядов*, а во втором — с чем-то неупорядоченным и противоречивым. Если исходить из принятого в западной науке толкования понятия *общество* как социально активной части населения, как группы лиц, образующих некую целостность, находящуюся в определенном взаимодействии с властью, то этот подход вполне обоснован⁸. Очевидно, впрочем, что такое понимание общества тесно связано с концептом гражданского общества, предполагающего самоорганизацию граждан⁹.

Однако, к примеру, А. Н. Медушевский совершенно справедливо включил в том «Библиотеки» «Конституционные проекты» документы, относящиеся к событиям января–февраля 1730 г. Это тексты не с индивидуальным, но с коллективным автором, отражающие представления о власти и политическом устройстве определенного социального слоя¹⁰. Но существуют такого же рода тексты, вышедшие из иной социальной среды, как, например, «прелестные письма» С. Разина или манифесты Е. Пугачева. И это тоже тексты, отражающие представления о власти определенного социального слоя.

Работая над данной публикацией, я попросил Е. Н. Трещилова, автора диссертации о представлениях участников народных бунтов XVIII в. о царской власти, кратко изложить свое мнение о том, как изучаемые им источники соотносятся с понятием *общественная мысль*. Вот что он написал: «Говоря о русской общественной мысли XVIII века, мы, как правило, подразумеваем только те политические идеи, которые бытовали в среде общественной и культурной элиты того времени, главным образом дворянской. При этом, однако, не следует забывать о том, что различные общественно-политические проблемы волновали и представителей социальных низов: крестьян, казаков, низшего духовенства и т. д. Свидетельством тому являются, например, такие своеобразные памятники народной публицистики, как "подметные письма", подложные царские указы, старообрядческие сочинения и пр. Особый интерес представляют документы, вышедшие из-под пера участников крупнейших восстаний XVIII века, т. е. документы, созданные представителями вооруженной народной оппозиции. В челобитных царю и "прелестных письмах" участников астраханского и булавинского бунтов, в пугачевских указах и манифестах и т. п. различными группами просто-народа подчас весьма определенно формулировалось понимание правильного, с их точки зрения, социального и государственного устройства».

Во многом это понимание оставалось таким же, каким оно было зафиксировано в источниках XVII века, например в "прелестных письмах" С. Разина. Политическим идеалом простолюдинов оставалось государство во главе с "милостивым" царем, в котором не будет "злых бояр", творящих беззаконие по отношению к народу.

Однако помимо традиционного социального недовольства в народной общественной мысли XVIII века отразилось и недовольство европеизацией России, активно проводившейся в этом столетии. Особой ожесточенностью отличаются народные настроения в петровскую эпоху, поскольку петровские преобразования стали поистине культурным шоком для простонародья.

Впрочем, во многом подобные настроения в народной среде продолжали сохраняться на протяжении всего столетия. Так, например, идейная сторона пугачевщины также тяготела к традиционной народной культуре и содержала в себе антиевропейский заряд. При этом, однако, нужно подчеркнуть, что этот заряд был го-

раздо слабей, чем в предыдущие годы. Например, отношение пугачевцев к "немцам", т. е. европейцам, было более сдержанным по сравнению с началом века, когда иностранцы считались главными виновниками нововведений...

Еще одна важная тема народной общественной мысли XVIII века — отношение к царской власти. Особую актуальность эта тема приобрела в петровское время. Не вдаваясь в подробности, лишь заметим, что вопреки устоявшейся точке зрения отношение к царю-преобразователю не было исключительно враждебным. ...Имевшаяся критика в адрес Петра, в большинстве случаев была направлена не против царя, а против узурпатора, что, в свою очередь, не позволяет говорить о падении авторитета царской власти как таковой в народном сознании той эпохи»¹¹.

Помимо того, что речь, таким образом, идет о довольно широком пласте в сущности не включенных в пространство общественной мысли источников, стоит, мне кажется, обратить внимание и на своеобразный виток, который она совершила. Сперва петровская европеизация, как антитеза русскому традиционализму, вызывает резкое неприятие в народной среде, которое постепенно, к концу столетия, ослабляется. В народном сознании, в том числе в результате осуществляемой властью официальной пропаганды, Петр в это время становится одним из главных героев национальной истории. Но в это же время рефлексия по поводу утраченных в результате петровских преобразований традиционных ценностей возникает в образованной среде. Она прорывается сперва в написанном очевидно под влиянием дурного настроения памфлете М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России» и оформляется затем во взглядах славянофилов. В свое время Н. Я. Эйдеман справедливо указывал на Щербатова как своего рода предтечу славянофилов, но в арсенале понятий, которыми оперировала отечественная мысль, должен был появиться концепт *национального*, чтобы ворчание екатерининского вельможи, к тому же заново открывшего для себя историю допетровской Руси, превратилось в более или менее стройную систему взглядов. При этом между Щербатовым и славянофилами было еще и поколение Чаадаева, читавшее памфлет историка XVIII в. в списках и наверняка извлекавшее из этого чтения смыслы, которые в него не вкладывал автор.

Выше уже говорилось о том значении, какое имела для русской общественной мысли фигура Петра Великого. По словам А. М. Панченко, «Петр — оселок русской мысли, ее вечная проблема, касающаяся не только историософии, но и религии, не только национального пути, но также национального бытия»¹². Собственно, именно это и стало основным доводом в пользу того, чтобы включить Петра в число авторов «Библиотеки отечественной общественной мысли». Действительно, достаточно просмотреть именные указатели к томам «Библиотеки», чтобы убедиться в том, что Петр присутствует в абсолютном большинстве из них. Месту Петра в русском общественном сознании посвящено немало специальных исследований¹³, и можно не сомневаться, что так будет и впредь. При этом всякое новое обращение к данной теме таит неожиданности. Так, год назад, когда праздновался юбилей Полтавской битвы, появился целый ряд новых книг, в которых в соответствии с последними веяниями специальное место уделялось исторической памяти об этом событии. Преимущественно это были рассказы о том, как на протяжении последних 300 лет отмечались полтавские юбилеи. Между тем, если обратиться собственно к памятникам отечественной общественной мысли, то даже упоминаний об этом центральном событии петровского царствования мы практически не найдем. В 1994 г. был издан сборник, содержащий несколько сот высказываний о Петре примерно 250 авторов. Сборник состоит из 13 разделов — «Творец России», «Типичный русский», «Наследник Московского царства», «Нетрадиционный самодержец», «Антипатриот», «Псевдореформатор» и т. д., но там нет ничего о Петре как воссоздательнице, победившем в Северной войне и разбившем Карла XII на Полтавском поле¹⁴. Создается впечатление, что факт создания Российской империи и превращения ее в активного игрока на международной арене трактовался как однозначно позитивный и сторонниками, и противниками Петра и, таким образом, из рассуждений о роли Петра в исторической судьбе России, в сущности, выпадал немаловажный элемент. Можно и далее продолжать перечисление парадоксов отечественной общественной мысли, однако очевидно, что изучение ее истории на современном этапе требует новых подходов, учитывающих в целом развитие исторической науки и, в частности, такого ее направления, как история идей, а также попытки увидеть эту историю в новом ракурсе.

Примечания

¹ А ведь еще существуют экономическая мысль, историческая мысль, богословская мысль и т. д.

² Гершензон М. О. Творческое самосознание // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 81.

³ Данилевский И. Н. У истоков русской общественной мысли // Памятники общественной мысли Древней Руси. Том 1: Домонгольский период / Сост., автор вступ. статьи и коммент. И. Н. Данилевский. М., 2010. С. 10.

⁴ Артемьева Т. В. Традиции и особенности российской философской и общественно-политической мысли XVIII века // Общественная мысль России XVIII века. Том 1: *Philosophia rationalis* / Сост., автор вступ. статьи и коммент. Т. В. Артемьева. М., РОССПЭН. 2010. С. 6, 12.

⁵ Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 63, 65.

⁶ Гершензон М. О. Указ. соч.

⁷ Очевидно, что дело тут не только в том, что порожденные XVIII в. проблемы остаются актуальными и поныне, но и в сохраняющейся в современном российском обществе в качестве своего рода рудимента традиционного общества специфике восприятия прошлого, связанной с верой в детерминированность будущего прошлым, обращенностью в прошлое больше, чем в будущее.

⁸ Проблема возникновения в России *общества* в этом значении была предметом ряда специальных исследований, причем большинство ученых сходятся в том, что оно формируется в XVIII. См., например: Geyer Dietrich. «Gessellschaft» als Staatliche Veranstaltung: Socialgeschichte Aspekte des russischen Behördens im 18. Jahrhundert // Dietrich Geyer, ed. Wirtschaft und Gessellschaft im vorrevolutionären Russland. Cologne, 1975. S. 20–52.

⁹ См.: Hausmann Guido, Hettling M. Civil Society // Encyclopedia of European Social History from 1350 to 2000. Vol. 2. Charles Scribner's Sons. 2001. P. 489–498.

¹⁰ Примечательно, что в этих проектах фигурирует слово *общество*. См.: Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 1999. С. 213–216.

¹¹ Благодарю Е. Н. Трефилову за разрешение включить его текст в данную публикацию.

¹² Панченко А. М. Церковная реформа и культура петровской эпохи // XVIII век: Сб. 17. СПб., 1991. С. 12.

¹³ Укажем хотя бы на два важнейших: Шмурло Е. Ф. Петр Великий в оценках современников и потомства. СПб., 1912; Ryazanovsky N. V. The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. N. Y., Oxford, 1985.

¹⁴ Реформатор: Русские о Петре I. Иваново, 1994.